

Рассказ

Михаил Рорер

Первый урок

В возрасте пяти лет, или немного раньше, у меня неожиданно обнаружилось два таланта. Один, по-видимому врождённый, состоял в способности умножать в уме довольно большие числа. Другой, происхождение которого мне до сих пор не понятно, казался более удивительным: я умел писать прописью, красивым и ровным почерком.

Оба таланта заметили пацаны; они все были старше и относились ко мне на редкость хорошо, с любопытством и заботливостью. Умножение особого впечатления на них не производило, видимо, потому, что проверить результат всё равно было невозможно. Другое дело – умение писать. Я никогда не забуду, как они смотрели, как заворожённые, когда я, совсем крошечный человечек, выводит мелом на стене, необычайно красивым и ровным почерком, своё имя и фамилию – «Миша NN». Почему-то из всех слов, которые я к тому времени знал и умел писать, именно эти два вызывали у них наибольшее изумление, почти восторг.

Вскоре моим талантам нашлось полезное применение: пацаны с нашей улицы стали водить меня на соседние – показывать, в обмен на

сигареты, спички и пистоны для игрушечного пистолета. Но это счастье, как всякое счастье, оказалось недолгим. Кто-то из девочек подглядел, рассказал дома, кто-то кому-то что-то передал – скоро обо всём узнал мой отец. Он решил отдать меня в школу.

Легко сказать. Районо, горно, облоно – нелепость идеи принять пятилетнего мальчика в школу была всем очевидна. Но нельзя недооценивать и упорства еврейского папы: кто-то кому-то позвонил, кто-то кому-то оказался чем-то обязан – не прошло и года, как мне сказали, что завтра состоится решительное собеседование. Требовался сущий пустяк – ответить правильно на пять вопросов не известного заранее общего содержания, что-то прочитать, что-то посчитать, и вопрос о приёме – уже почти в середине первого полугодия – вполне мог решиться положительно.

И тут, в последний вечер перед собеседованием, выявилась загвоздка. Как я уже сказал, к пяти годам у меня обнаружили два умения – считать и писать. Но к таланту эти умения никакого отношения не имели. Я провёл несколь-

Михаил Рорер

ко месяцев под столом, за которым занималась старшая сестра, тогда уже третьеклассница, иногда одна, иногда с мамой. Ко мне под стол попадали учебники, исписанные черновые листы, доносившие обрывки разговоров – случайные осколки знаний, притягательные своей необязательностью, бесценные, как удивительные игрушки. Вначале они ничего не означали, но постепенно и незаметно связались в нечто осмысленное и цельное – в программу третьего класса советской общеобразовательной школы. В этой же программе было

ещё одно обязательное умение – читать. Так вот, именно это умение и представляло ту самую неожиданную загвоздку: в первом классе, куда меня, собственно, и собирались принять, читать разрешалось, но не обычно, а по слогам, то есть останавливаясь и запинаясь. Мы узнали это случайно в день перед экзаменом, и отступить было уже поздно.

Мама, удивительная женщина, способная на чудеса ради своих детей, посадила меня рядом с собой на кровать и за один час научила меня читать. То есть научила не совсем, но научила спотыкаться в середине слова, как бы раздумывая, читать ли дальше – или не стоит. Этот урок разучивания, отстранения, как бы забывания ненужных, вредных знаний и умений много раз выручал меня потом, в последующей взрослой жизни.

Как начался следующий день, как меня привели в школу, когда и как начался экзамен, я не помню. Не помню, удалось ли мне изобразить чтение по слогам; наверное, удалось, иначе я не рассказывал бы сейчас эту историю. Забылись четыре первых пустяковых вопроса. Но последний пятый вопрос запомнился на всю жизнь. Учительница, полная пожилая женщина с птичьим лицом, наклонила голову вбок и, мягко взглянув на меня вниз сквозь толстые очки, спроси-

ла: «Белка – хищное животное или домашнее?»

Я понял, что попал в тупик, в ловушку. Ещё я понял, что это не случайность и не последний раз, когда мне зададут такой вопрос. Я знаю, как на него ответить, я сумею выкрутиться; но дело не в ответе, и как не выкручивайся, а всё равно – ловушка, тупик.

Я посмотрел на неё снизу вверх и сказал: «Белка – не домашнее животное». Учительница, догадавшись о своей промашке, с облегчением вздохнула, все сразу повеселели, я прошёл тест и был зачислен в первый класс начальной школы. Учиться в школе мне больше не хотелось. Тем не менее, я послушно отходил положенные десять лет и даже получал совсем не плохие оценки.

Умение читать вслух, не запинаясь, мне больше не понадобилось. Умножение и деление в уме до седьмого знака тоже – я пытался впечатлить этим трюком очередную первокурсницу, но он не показался ей ни смешным, ни интересным. И красивое чистописание оказалось ненужным, так что постепенно мой почерк стал неразборчив, как у всех. Учительница умерла. Но первый урок, который она мне преподавала, остался...

Я провёл взрослую жизнь в разговорах, обсуждая природу искусства, происхождение вселенной, работу часовых механизмов и загадку человеческой психики, надеясь увидеть или привнести порядок и смысл в устройство жизни; но каждый раз в конце неизбежно наткываясь на тот же вопрос: «Белка – хищное животное или домашнее?»

Поэзия

Елена Лещинская

«В ледяных небесах и железобетонных стенах...»

***
Я живу по неточным часам
Откровенней, печали и смеха.
Ты мне очень давно не писал.
Ты уехал. Надолго уехал.

Листопад, снегопад, звездопад...
Одиночества домик кирпичный.
Я опять говорю невпопад.
Ты молчишь невпопад, как обычно.

Мы друг друга забыли почти,
Но с твоим совпадает мой вектор.
Эка невидаль – снова войти
В ту же Богом забытую реку!

***
Там, где кончатся рельсы,
пустой перрон.
Старая будка,
в окошке горит свеча.
Выигрыш ставки,
сделанной на зеро, –
Я не ждала,
что будешь меня встречать.

Там, где кончатся рельсы,
цветёт жасмин,
Над горизонтом рыжие облака.
Хочешь забрать моё сердце –
ну что ж, возьми.
Если не хочешь –
просто согрей в руках.

Там, где кончатся рельсы,
гудят ветра.
Шпили плывут
в закатные небеса.
Там, где кончатся рельсы,
печаль светла.
Видишь, за полем –
взлётная полоса.

***
Не сезон для прогулок босиком...
Не сезон – да и не надо.
Хлопья снега летят

на тёплый свет,
как на пламя мотыльки.
Сквозь пугающе
близкий горизонт
вдаль уходит автострада,
и по ней вдаль уходят
день за днём,
безнадёжно коротки.
Вечера напевают невпопад
имена чужих бессонниц,
а свою ты узнаешь по шагам
в тёмно-синей темноте.
Подойдёт, молча
за руку возьмёт,
знак начертит на ладони –
и опять будет всё вокруг не то,
будут все вокруг не те.
И подступит вплотную
тишина,
и внезапно задохнёшься
от ночной обжигающей тоски,
настоявшейся сполна.
И покажется: это не с тобой,
это сон.
И ты проснёшься.
И научишься призраков своих
называть по именам.

Питер

Этот грустный январь,
повзрослевший
до срока мальчишка,
Зажигает на Невском
оранжевые фонари.
Слишком много гирлянд,
слишком людно
и празднично слишком,
Только холодно сердцу,
в котором огонь не горит.

И седая печаль кормит птиц
в полянках на Фонтанке,
И под небом свинцовым
нахмурился Спас на Крови.
В типографии судьб

давно перепутаны гранки,
Одиночество снова
приходит на смену любви.

Мне Васильевский остров,
шагами измеренный Бродским,
Дарит горькую радость
тонуть в беспросветной тоске.
Пирожков у торговков и ветра
балтийского – вдосталь,
И руками друзей нарисован
маршрут на листке.

Полюбившийся мне ледяной,
неприветливый город,
Я вернусь к тебе летом
в каком неизвестно году.
Мой товарищ в беде,
ты мне стал удивительно дорог.
Помоги, и когда-нибудь снова
себя я найду.

***

В ледяных небесах
и железобетонных стенах,
По большому счёту, братишка,
одно и то же...
Горько-сладкий вишнёвый огонь
пробежит по венам,
И не сразу поймёшь: продержался.
Прорвался. Дожил.

Непослушное сердце
колотится где-то в горле,
А на влажном виске
так отчаянно бьётся жилка...
Ерунда, что за радостью следом
приходит горе.
Я за всё расплатилась авансом.
Мы будем живы.

Будем живы-здоровы
и счастливы непременно.
Мне воздастся по вере,
тебе – по любви, быть может...
В ледяных небесах
и железобетонных стенах,

По большому счёту, братишка,
одно и то же.

***

Я не люблю тебя
больше ни цента.
Я не должна тебе
больше ни капли.
Страсть
невозможно занять
под проценты
И одолжить,
разумеется, вряд ли.

Небо земное
в глазах марсианских,
Отсветы алого –
промельк трамвая.
Фрукты пронизаны
солнцем испанским,
Сердце укрыто
броней самурая.

Тихо сижу
на скамейке облезлой.
Скромно, пожалуй,
для царского трона.
Впрочем, быть ближе
к народу – полезно...
Я не люблю тебя
больше ни кроны

И не должна тебе
больше ни грамма,
И ни галлона,
и ни миллилитра.
Царская гордость.
Плебейская драма.
Слёзы невольные
мантией вытру.

Брошу корону в пакет
к мандаринам
И полететь
к остановке печально.
Эх, не забыть бы купить
маргарина...

Ты ничего мне не должен
случайно?

***

Мамонтёнок больше
не ищет маму.
Мамонтёнок ищет
покой и волю.
Он просил о забвенье –
сказали, рано.
Он хотел искупленья –
сказали, больно.

Океан бирюзовый,
лиловый, синий.
Ни акул, ни дельфинов,
ни белой стаи.
Мамонтёнок дрейфует
в закат на льдине,
И она потихонечку тает, тает.

Елена Лещинская